

Станислав Повный

ШУРКИНА МЕСТЬ

**фрагмент рассказа «Шуркина месьть»
из книги «Дойду до Берлина»**

В тот день Шурке удивительно везло. С утра на разгрузке угля для офицерской бани он заработал булку чёрного хлеба и три порошка сахарина. Противно было работать на немцев, да что делать? Матери одной трудно прокормить всю семью. Шурка хорошо это понимал и всё, что удавалось раздобыть, приносил домой. Ведь в семье он был за старшего, значит, отвечал и за мать, и за младших – одиннадцатилетнего Гриньку и Варюшку, которой и девяти ещё не исполнилось. Так и отец ему наказывал, уходя на фронт в первые же дни войны:

– Теперь, Шура, ты за меня остаёшься. Будь мамке и опорой, и советчиком. Большой ты уже – пятнадцать скоро стукнет. Гляди, надеюсь я на тебя. И надежда эта поможет мне фашистов бить.

Крепко запомнились Шурке эти слова, и он старался оправдывать отцовское доверие. Помогал матери заготовливать топливо на зиму и управляться с огородом. Правда, между посадкой и уборкой урожая уход за огородом возлагался на Гриньку и Варюшку, а Шурка в основном занимался рыбным промыслом и подкармливал семью мелкими заработками.

Да, рыбалка в то голодное лето сорок второго года здорово их выручала. Как-никак, а Шуркиного улова хватало и на уху, и на жарёху, Иногда мать даже продавала окуней и лещей за рейхсмарки старосте, полицаями и домработнице коменданта. На вырученные деньги покупала у спекулянтов то соль, то муку, смешанную с отрубями, то небольшие кирпичики тёмного немецкого эрзац-хлеба, который во рту шелестел, как полова.

Так они и жили, сводили концы с концами, но нельзя сказать, чтоб уж совсем голодно. Соседке Ульяне с двумя малолетними дочками жилось куда труднее, и Шурка с матерью чем могли, помогали ей. Делать добро людям тоже учил отец, бывший бухгалтер заготконторы. «Поможешь человеку, сам человеком себя чувствовать будешь, – говорил он. – А пройдёшь мимо беды человеческой – не сделаешь ничего худого, а только пройдёшь мимо, – перестанешь быть человеком. Тогда среди людей делать нечего. Жизнь таких сама за борт выбрасывает». По этим законам семья бывшего бухгалтера жила даже в трудные дни фашистской оккупации.

Нелёгкой была жизнь, но она омрачалась ещё и тем, что в Шуркином доме, в той комнате, где стоял отцовский письменный стол, с весны квартировал пучеглазый лейтенант из комендатуры. Весёлый и даже развязный, он пытался расположить к себе хозяев, но они, сторонились его и старались поменьше попадаться на глаза.

Обычно Шурка рыбачил рано утром, но в тот день из-за разгрузки угля решил пойти на речку к вечернему клёву. И снова ему повезло – часа через два в его ведре уже плескалось восемь жирных окуней и один лещ килограмма на два. Довольный своей удачей, он уселся на большой тёплый камень и засмотрелся на прозрачную, пронизанную золотом лучей заходящего солнца воду. Рядом стоял явор, доставая до самой воды оголёнными корнями; казалось, будто он зашёл в речку и наклонился, чтобы помыть натруженные узловатые ноги. С малых лет любил Шурка созерцать эту тихую, умиротворяющую красоту родной украинской природы. Сейчас в ней чего-то не хватало, но чего?.. Ах, да, до войны здесь плавали утиные выводки, теперь же уток не было во всём поселке. Да только ли уток... Не было пионерского лагеря у берёзовой рощи, не было весёлого гомона на токах во время жатвы, песен и танцев на площадке перед клубом. Зато были комендантские приказы, грозившие расстрелом за ослушание оккупационным властям, публичная порка за укрывательство хлеба и других продуктов. Были ещё и угоны парней и девчат в Германию. Шурка подумал

обо всём этом с горечью, встал и, взяв ведро с уловом, понёс его домой сквозь сизую пелену сгущающихся сумерек.

Открыв калитку, он увидел, что Варюшка и Гринька сидят за столом под навесом, и понял, что его ждут к ужину. Он поставил ведро и пошёл к ракушечнику. В это время на крыльце появился квартирант.